

ДВА ГОДА назад в Перми — родном городе Дягилева, по инициативе С. В. Голынца из Уральского университета и сотрудников Пермской государственной художественной галереи были организованы Дягилевские чтения. В мае 1989 года вторые Дягилевские чтения стали частью огромного праздника искусств в ознаменование 80-летия первого из знаменитых сезонов русского балета в Париже. История русского культурного наследия обогатилась глубоким анализом парижских сезонов, объединения «Мир искусства», библиофильства Дягилева, его подвижничества от древней иконы до лучших образцов начала XX века.

Экспозиция картинной галереи отразила почтительную любовь к выдающемуся пермяку и завидный профессионализм ее дирекции и научных сотрудников, особенно Н. Беляевой. Двадцать государственных музеев, галерей, библиотек и восемь владельцев частных коллекций приняли участие в этой экспозиции. Не уступило им по масштабам деятельности и общество любителей балетного искусства «Арабеск» во главе с Е. Субботиным, заполнившее юбилейную Пермь буклетами, брошюрами, выпустившее специальный номер газеты «Балет Урала», посвященный деятельности С. Дягилева.

Если представить себе, что в те же дни в Перми проходил первый Всероссийский конкурс одноактных балетов, читатель легко поверит, что старинный уральский город стал центром международного балета и пропаганды великого культурного наследия России. Не случайно с таким успехом прошел телемост «Пермь — Париж», изящно проведенный С. Коробковым в завершение этого большого праздника.

Восстановить правду о личности и деятельности С. П. Дягилева — дело нашей национальной гордости. Кто был этот барственный вида господин в цилиндре, с цветком в петлице, всегда с высоко вздернутой головой и слегка вызывающим, хоть и грустным взглядом?

Легче всего сказать о человеке, не написавшем ни одной картины, не сочинившем ни одного балетного спектакля, что он был пресушающим дельцом. Но можно ли так судить, если знаешь, что Дягилев десятилетиями не имел своего дома — жил в гостиницах, что ни в одном банке мира у него не было своего счета. Он служил искусству самоотверженно и безоглядно, постоянно рискуя материально и в конце концов испытав всю горечь финансового краха.

Не станем давать ему поспешных характеристик. Заглянем лишь в первые из знаменитых парижских сезонов русского балета и оперы, инициатором и руководителем которых стал Сергей Дягилев.

Гастроли начинались, как обычно, с афиш. Ими послужили театральные плакаты, выполненные выдающимися живописцами России. Это было необычно и тогда же привело к неожиданному курьезу: афиши исчезали — их срывали и уносили в свои мансарды французские художники.

Помимо воли и желания дирекции императорских театров случилось то, что в Европе до сих пор именуют чудом. У Русских сезонов была своего рода прелюдия: в 1906 году Дягилев привлек внимание Европы выставкой русской живописи в Париже; в 1907-м — концертами русской музыки; в 1908-м — показал оперу «Борис Годунов» с участием Ф. И. Шаляпина. Он заставил мир говорить о щедром художественном дару русских людей. Первые балетные сезоны не просто восхитили — ошеломили европейскую публику. Через годы один из знаменитых французских критиков с тревогой скажет: «Весна без русского балета не будет весной».

Премьеры балетов «Сильфиды» («Шопениана»), «Павильон Армиды», «Клеопатра» («Египетские ночи»), «Половецкие пляски» и «Дивертисмент» из классических постановок, названный «Праздником», собрали в театре Шатле цвет мировой интеллигенции. Художниками спектаклей стали А. Бенуа, Л. Бакст, Н. Рерих, К. Коровин, А. Головин. К этому параду имен потом присоединяются Н. Гончарова, М. Ларионов, П. Пикассо, А. Матисс и другие.

Балетмейстерская слава Михаила Фокина солнцем взошла в звездном небе, сверкавшем талантами А. Павловой, Т. Карсавиной, С. Федоровой, Иды Рубинштейн, В. Коралли, В. Нижинского, М. Мордкина, А. Вольфа, Г. Розая, а позже — Е. Гельцер и М. Кшесинской.

Вчера еще «несерьезный» и никем не уважаемый балет оказался искусством поистине синтетически воссоединившим в себе волшебную красоту декораций, костюмов, музыки с высокой поэзией танца, артистизмом и виртуозной техникой актеров, столь же разных как индивидуальности, сколь единых в исполнительской манере и строгости стиля. Европа вновь открыла для себя высокое искусство мужского танца. В. Нижинский стал легендой при жизни. Фокин, Мордкин, Вольф, Розай казались полубогами, равными божественным происхождением Павловой и Карсавиной.

В 1910 году к уже известным спектаклям

Ныне историки дополняют и уточняют недостающие страницы, восстанавливают незаслуженно забытые или искусственно приниженные имена. Среди них — имя Сергея Павловича Дягилева, критика, собирателя, организатора русского искусства, его пропагандиста-подвижника. Надолго оторванный от России, он подчеркнул гордился родной культурой и всегда умел убедить в этом ценителей искусства Европы, США, Латинской Америки.

ВО СЛАВУ РУССКОГО БАЛЕТА

прибавились «Карнавал», «Шехерезада», «Жар-птица», поставленные Фокиным, и «Жизель». Да, второй сезон русского балета вернул французам позабытую ими «Жизель».

Вновь щедро писали о художественной гармонии спектаклей, редкостном ансамбле, высоком поэтическом языке балета — писали даже те французские газеты, которые прежде не касались искусства. Вновь стали триумфаторами Нижинский и Карсавина. А успех «Жар-птицы» подсказал необходимость продолжить русскую тему в репертуаре третьего сезона в 1911 году. Рядом с «Видением Розы», легендарным финальным прыжком-полетом Нижинского в этом балете, рядом с «Нарциссом» вышли на парижскую сцену миниатюра «Садно» («Подводное царство») и «Петрушка». В «Петрушке» французам пленили картины русской жизни и «не знающий земного притяжения» Вацлав Нижинский, которого Федор Шаляпин и Сара Бернар дружно причислили к рангу великих трагических актеров мира.

Рутинерский императорский театр России проиграл Дягилеву: покинул казенную сцену Нижинский, ушли и многие другие русские артисты, образовав труппу «Русского балета Дягилева».

Неутомимый М. Фокин обогатил репертуар дягилевского театра постановками «Дафниса и Хлои» на музыку Равеля и «Золотым петушком» на музыку известной оперы Римского-Корсакова с двойным составом певцов и танцовщиков.

Позже Дягилева не минует увлечение эстетикой футуризма, кубизма, конструктивизма, сюрреализма. Метания детей нового века, делающих дерзкие шаги в спорах со всем, что было до них, вольно или невольно обернулись бессюжетными балетами и забавными пустяками в прославленной антрепризе. Дягилеву напомнили, чем он покорил театральный мир. Но будем справедливы: приходили и уходили модные увлечения, но в репертуаре сохранились «Петрушка», «Сильфиды», «Половецкие пляски», «Жар-птица», «Тамара», сокращенный вариант «Лебединого озера», «Свадьба Авроры» (последнее действие «Спящей красавицы»), «Послеполуденный отдых фавна».

Первая мировая война и Октябрьская революция отделят непреодолимой чертой труппу Дягилева от родной России. Он жадно обращался к русским композиторам, в репертуаре его труппы сменяют друг друга «Свадебка», «Весна священная», «Байка про Лису», «Аполлон Мусагет» Стравинского, «Шут» и «Блудный сын» Прокофьева. Горьким символом кажется, что именно «Блудный сын» стал последней постановкой дягилевской труппы...

В юбилейный год 80-летия Русских сезонов в Париже позволим себе уйти от грустных нот более позднего времени. Упомянем лишь о том, что в 1921 году Дягилев поставил в Лондоне полностью балет «Спящая красавица» в хореографии М. Петипа с роскошными декорациями Л. Бакста, и это привело его к финансовому краху.

Но дело Дягилева уже жило помимо него. С 1910 года гастроли русских артистов балета охватили почти все страны Западной Европы, Южную и Северную Америку. Входившим в труппы молодых танцовщикам давали русские фамилии — так было престижно. Авторитет русской школы способствовал возрождению балетного театра.

После самороспуска труппы Дягилева 5 сентября 1929 года ее артисты разъехались по разным странам, создавая новые очаги балетной культуры. А. Маркова, А. Долин, Н. де Валуа — в Англии, М. Фокин — в Дании и Америке, Б. Нижинская — в Калифорнии, Л. Руйцховский — в Польше, С. Лифарь немало способствовал мировому престижу французского балета.

Англичане справедливо считают, что у колыбели их балетного искусства стояли А. Павлова и Т. Карсавина, Ивет Шовире на мой вопрос о ее учителях выделила имена Б. Князева и В. Гзовского.

Рядом с могилой С. П. Дягилева, на кладбище святого Михаила в Венеции, — гора ба-

летних туфель с именами известнейших и малоизвестных артистов. Париж увековечил его имя в названии одной из центральных площадей.

Туман полузабвения имени Дягилева на его родине породил легенды, домыслы и кривотолки. Из разных граней его противоречивой натуры можно создать множество взаимоисключающих картин. Но вспомним знаменитое «парадоксов друг» и, подобно перемским землякам великого просветителя, отныне станем судить о нем во всей полноте его могучей личности. Так, как судила Т. Карсавина, поведавшая о его талантливых «подсказах» артистам и балетмейстерам. Или Б. Нижинская, при жизни немало спорившая с ним, а в письме ко мне заметившая: «Когда не ладился спектакль, Дягилев приходил и давал самые точные и верные профессиональные советы».

Николай ЭЛЯШ.

● В. Нижинский в балетах «Послеполуденный отдых фавна» и «Жизель».

● Одна из афиш Русских сезонов.

Соб. информация. — 1989 — 9 ген. — с. 10.